

ГРУППОВЫЕ ИСКИ:

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА В ДИНАМИКЕ

Под редакцией В.Г. Домшенко

УДК 347.9
ББК 67.410
Г90

Г90 **Групповые иски : теория и практика в динамике** : [коллективная монография] / В. В. Ялков, Е. Г. Стрельцова [и др.] ; под ред. В. Г. Домшенко. Москва : Статут, 2026. — 310 с.

ISBN 978-5-8354-2141-1 (в пер.)

В коллективной монографии рассмотрен широкий круг вопросов, связанных с групповыми исками в России и за рубежом. Издание продолжает ранее начатую дискуссию о генезисе и развитии института групповых исков в России, охватывает взгляды ведущих специалистов, молодых ученых и практиков на эволюцию группового производства и эффективное применение групповых исков. Рассмотрены вопросы соглашения о несении судебных расходов, применения обеспечительных мер, принудительного исполнения групповых исков, особенностей замены истца-представителя. Особое внимание уделено использованию групповых исков по различным категориям дел: от административного судопроизводства до споров на финансовых рынках и дел об утечках данных. Исследована специфика возбуждения дела о банкротстве в качестве групповой процедуры, представлен опыт реформирования законодательства о групповых исках во Франции, исследована судебная практика США по отдельным категориям дел. Специальный раздел посвящен применению групповых исков в технологической сфере. Книга содержит также авторский научно-практический комментарий к гл. 28.2 Арбитражного процессуального кодекса РФ.

Издание адресовано научным работникам, преподавателям, аспирантам, студентам, судьям, адвокатам, практикующим юристам и лицам, интересующимся проблемами цивилистического процесса.

УДК 347.9
ББК 67.410

ISBN 978-5-8354-2141-1

© Коллектив авторов, 2026
© Редподготовка, оформление. Издательство «Статут», 2026

Предисловие

Настоящее издание продолжает формирование теоретической основы для развития института групповых исков в нашей стране. За шесть лет с момента реформы 2019 г. накоплена значительная судебная практика, написаны достойные научные публикации, что позволяет подвести промежуточные итоги: проанализировать первоначальные цели, достигнутые результаты и обозначить дальнейшие перспективы. Осмысление групповых исков осуществляется с нескольких позиций: догматического понимания правовых понятий и категорий, изучения исторического контекста, сравнительно-правового исследования зарубежного опыта, а также анализа нормативного регулирования и судебной практики по таким делам.

Представленные в этой книге материалы касаются широкого круга аспектов групповых исков: соглашения о распределении судебных расходов между членами группы, основания и порядок замены истца-представителя, принятие обеспечительных мер и принудительное исполнение судебных решений по таким делам. Также в книге обсуждаются отдельные категории групповых исков, в том числе споры из обязательств по ценным бумагам и связанных с утечками персональных данных; в работе исследованы административные коллективные иски и особое внимание уделено применению конструкции группового иска в делах о банкротстве. Авторы широко использовали компаративный метод исследования, обращаясь прежде всего к доктрине и судебной практике США. Вместе с тем один из материалов подготовлен практикующим французским адвокатом и освещает институт групповых исков во Франции. Наконец, всеобщее внимание к искусственному интеллекту дало хороший повод порассуждать о возможных массовых нарушениях прав множества лиц и подачи коллективных исков в связи с использованием современных технологий.

Монографию завершает новый научно-практический комментарий к гл. 28.2 Арбитражного процессуального кодекса РФ, в котором использована последняя судебная практика по групповым искам, что должно быть особенно ценно для практикующих юристов.

Дальнейшее развитие института групповых исков и усложнение связанных с ним правовых вопросов требуют развития не только практики, но и доктрины. Как демонстрируется в книге, ученые предлагают взгляд на правовую ситуацию «с высоты птичьего полета», что позволяет рассматривать проблемы более абстрактно и системно. Еще одно преимущество академических исследований заключается в выявлении

взаимосвязей между различными отраслями права (как можно увидеть, например, в материале профессора В.В. Яркова о правовой природе соглашения о расходах), что способствует формированию более обобщенных и практических предложений по толкованию закона и его совершенствованию. В сочетании с глубоким анализом отечественной и зарубежной судебной практики возникает синергетический эффект, поскольку идеи, предлагаемые авторами, выходят за рамки сугубо доктринальных исследований и позволяют выявить проблемы, обладающие перспективой для правоприменения.

Накопление количества дел по групповым искам в России, а главное — качественно новый круг вопросов, разрешаемых Верховным Судом РФ, арбитражными судами и судами общей юрисдикции по ним, свидетельствуют о том, что групповые иски вошли в российскую правовую действительность в качестве одной из форм судебной защиты, теперь должно наступить время их прочного закрепления. Этому должно способствовать активное формирование правовых позиций высшей судебной инстанцией. В этом плане 2025 г. стал важным рубежом в развитии института групповых исков — сразу несколько заметных дел были рассмотрены Верховным Судом РФ. Это дела «СИБУР», «Евро-СибЭнерго», «Росгеология». В результате были разрешены фундаментальные правовые вопросы, касающиеся разграничения компетенции по групповым искам между арбитражными судами и судами общей юрисдикции, исчисления исковой давности по требованиям членов группы. Подобная динамика, как мы надеемся, даст мощный импульс для развития этой формы коллективной судебной защиты.

Что принесут групповые иски в ближайшие пять лет? Требуют ли возникающие на практике проблемы пересмотра законодательства? И если да, то какими критериями и целями должны руководствоваться авторы изменений? Настоящее издание призвано ответить на некоторые из этих вопросов. Помимо этого, в нем ставятся новые вопросы, предлагаются новаторские подходы к их решению и формулируются перспективные направления для будущих исследований. Разумеется, многие вопросы, требующие внимания, не вошли в настоящую книгу. Однако только так — постепенно и последовательно — может быть создан прочный теоретический фундамент для дальнейшего развития правового института.

*С уважением и наилучшими пожеланиями
к читателям книги,*

В.Г. Домшенко
декабрь 2025 г.

Основные сокращения

АПК – Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации

ВАС – Высший Арбитражный Суд Российской Федерации

ВС – Верховный Суд Российской Федерации

ГК – Гражданский кодекс Российской Федерации

ГПК – Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации

Закон о банкротстве – Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»

Закон об исполнительном производстве – Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»

Закон об акционерных обществах – Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»

КАС – Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации

КС – Конституционный Суд Российской Федерации

НК – Налоговый кодекс Российской Федерации

Основы законодательства о нотариате – Основы законодательства Российской Федерации о нотариате, утвержденные ВС РФ 11.02.1993 № 4462-I

РФ – Российская Федерация

ТК – Трудовой кодекс Российской Федерации

ФЗ – Федеральный закон

ФПГП – Федеральные правила гражданского процесса США (Federal Rules of Civil Procedure for the United States District Courts)

ФССП – Федеральная служба судебных приставов Российской Федерации

I. ГРУППОВЫЕ ИСКИ: ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

Ландшафт групповых исков: где находимся, куда идем

Виктор Георгиевич Домшенко

*кандидат юридических наук,
магистр юриспруденции (РШЧП), доцент НИУ ВШЭ,
партнер, глава практики коммерческих споров
и групповых исков LEVEL Legal Services,
создатель проекта Class Action Lab*

Введение

Прошло шесть лет после масштабной реформы законодательства о групповых исках 2019 г.¹ Все это время я системно отслеживаю и анализирую практику российских судов по групповым искам. Можно уверенно сказать, что практика развивается, хотя временами и непросто. Дела становятся сложнее, а выводы судов касаются все большего круга вопросов группового производства.

При этом статистика за прошедший 2024 г. по данным Судебного департамента при ВС по количеству групповых исков показывает отрицательную динамику — таких дел в сравнении с 2020–2023 гг. стало меньше. Например, в 2024 г. арбитражные суды за 12 месяцев рассмотрели всего 33 дела. Показатели за первое полугодие 2025 г. пока также не радуют: арбитражные суды рассмотрели лишь 14 дел, а новых дел в этом периоде в суды поступило только 6; суды общей юрисдикции рассмотрели 77 дел — в порядке гражданского судопроизводства и всего 5 — в порядке административного судопроизводства.

Для наглядности приведу данные по годам до 2024 г. в таблице²:

	Арбитражное судопроизводство	Гражданское судопроизводство	Административное судопроизводство
2020 г.	49	689	44
2021 г.	54	741	37
2022 г.	61	712	70
2023 г.	129	241	31
2024 г.	33	206	32

¹ См. об этом: *Ярков В.В.* Групповые иски в России: quo vadis? // Групповые иски: сложности и перспективы [коллективная монография] / под ред. В.Г. Домшенко. М.: Статут, 2025. С. 21–22.

² См.: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 30.09.2025). Данные за весь календарный год публикуются в начале следующего года, поэтому данные за 2025 г. к моменту издания настоящей книги отсутствуют.

Что это значит: образовалась некая объективная причина к тому, что механизм коллективной судебной защиты не находит своего применения, резко спал энтузиазм инициаторов групповых исков, есть перегибы в судебной практике, сдерживающие развитие этого правового института? А возможно, это сигнал к тому, что настало время для законодателя внести отдельные коррективы в регулировании групповых исков, которые бы способствовали их развитию в России?

В этом свете я предприму попытку показать, что находилось в фокусе внимания судов в последнее время, какие важные позиции прозвучали в практике, в отношении каких вопросов уже высказался ВС, какие категории групповых исков наиболее востребованы в нашей стране, наконец, какие вопросы требуют внимания и какие категории групповых исков должны получить свое преломление в правоприменительной практике.

Дела по групповым искам в Верховном Суде РФ

2025 г. стал заметным рубежом для темы групповых исков прежде всего потому, что несколько дел были переданы на рассмотрение ВС. В этих делах перед судом стояли несколько важных «болевых точек» — вопросов, на которых за послереформенный период спотыкались в десятках других дел. Это вопросы разграничения компетенции по групповым искам между арбитражными судами и судами общей юрисдикции, применения критериев группового иска, исчисления исковой давности по требованиям членов группы.

1. Дело «Лотос Плюс» и др. против «СИБУР» и др.

В этом деле¹ АО «Лотос Плюс» предъявило групповой иск в арбитражный суд к трем ответчикам — ООО «СИБУР», ПАО «СИБУР Холдинг» и ООО «Атон». Требования заявлены от имени самого истца — юридического лица и присоединившихся к нему пяти физических лиц, которые не имеют регистрации в качестве индивидуальных предпринимателей. Как можно судить по судебным актам, требования мотивированы тем, что все истцы являются владельцами еврооблигаций, выпущенных одним эмитентом, и обязательства по еврооблигациям на момент подачи иска перед истцами не исполнены.

Арбитражный суд города Москвы пришел к выводу, что этот иск относится к компетенции суда общей юрисдикции ввиду субъектного

¹ Дело № А40-116513/2024.

критерия, поскольку часть истцов — присоединившихся к иску членов группы — являются физическими лицами и отсутствуют специальные основания для компетенции арбитражного суда. В связи с этим арбитражный суд передал дело в суд общей юрисдикции. Апелляционный суд поддержал эту позицию.

По жалобе истцов дело было передано на рассмотрение Экономической коллегии ВС, которая отменила судебные акты и направила дело для рассмотрения по существу в суд первой инстанции.

По общему правилу исковые требования физических лиц, не имеющих статуса индивидуального предпринимателя, относятся к компетенции суда общей юрисдикции при условии, что их спор не отнесен к специальной компетенции арбитражного суда в силу ч. 6 ст. 27 АПК. Групповой иск, предъявленный в арбитражный суд с нарушением правил компетенции, подлежит возвращению, а если такое нарушение было выявлено после принятия судом иска к производству — передаче в суд общей юрисдикции. Если арбитражный суд установит, что суду общей юрисдикции подсудны однородные требования части истцов, он может передать такие однородные требования на рассмотрение суда общей юрисдикции.

С моей точки зрения, ВС в этом деле не воспользовался хорошей возможностью создать прорывную позицию именно в отношении института группового иска, поскольку вопрос о компетенции этого спора арбитражному суду разрешен не через обоснование группового характера требований или специфику этого правового института, а через призму двух других оснований, поднятых в этом деле. Они являются важными, но не специфичными именно для группового производства. Поэтому не будем здесь углубляться в обоснование ВС, кратко лишь отметим эти вопросы.

Первый вопрос разграничения компетенции между арбитражными судами и судами общей юрисдикции относится к спорам, по словам ВС, «о защите прав инвесторов (владельцев облигаций)». Иными словами, упор судом сделан на критерий характера спора, т.е. безотносительно к тому, какой иск был предъявлен — личный или групповой. Обоснование ВС сводится к тому, что, по сути, основным критерием отнесения дел к компетенции арбитражных судов является связь спора с осуществлением гражданами и организациями предпринимательской или иной экономической деятельности.

Эта позиция — про «основной» критерий — не нова, уже давно муссируется в практике и доктрине. Однако едва ли можно сказать, что ВС радикально отказывается от второго — субъектного — критерия,

он только «уводит его в тень» применительно к такого рода облигационным спорам.

Интересно также, что суд использовал ссылку не на п. 4 ч. 6 ст. 27 АПК (про деятельность депозитариев, о чем настаивали истцы — ввиду наличия с одним из ответчиков депозитарных правоотношений), а на п. 8 ч. 6 этой же статьи (дела, возникающие при осуществлении предпринимательской или иной экономической деятельности). С моей точки зрения, этот вывод ВС спорный, поскольку для этого основания специальной компетенции требуется, чтобы соответствующее правило было установлено в федеральном законе, а приведенные судом отсылки на положения специальных законов и их интерпретация сомнительна.

При этом желание отнести подобные споры из облигационных правоотношений, в том числе с участием физических лиц без статуса индивидуального предпринимателя, к компетенции арбитражного суда понятно, ведь известно, как сложно подобные дела по спорам о ценных бумагах рассматривать в судах общей юрисдикции. Станет ли это дело мейнстримом в вопросе разграничения компетенции между судами по облигационным спорам? Вполне вероятно, учитывая, что еще один похожий спор — дело Росгеологии¹ — также уже рассмотрен Экономической коллегией ВС, закрепившей в своем определении аналогичную правовую позицию.

Второй вопрос разграничения компетенции между судами, рассмотренный в этом деле, касался отнесения к специальной компетенции арбитражных судов в силу п. 7.1 ч. 6 ст. 27 АПК споров с участием лиц, в отношении которых введены меры ограничительного характера, т.е. в соответствии со ст. 248.1 АПК. Этот вопрос также не является специфическим для группового производства и релевантен как для индивидуальных, так и для групповых исков.

2. Дело ИП Давыдовский С.В. и др. против «ЕвроСибЭнерго»²

Другое дело³, разрешенное Экономической коллегией ВС в 2025 г., — это дело по групповому иску миноритариев к мажоритарному акционеру, т.е. спор помимо прочего является еще и корпоративным.

Как следует из судебных актов, АО «ЕвроСибЭнерго» совместно со своими аффилированными лицами владело 98,03% акций ПАО «Иркутскэнерго». В связи с этим АО «ЕвроСибЭнерго» реализовало

¹ Дело № А40-243275/2024.

² В настоящее время АО «Эн+Генерация».

³ Дело № А19-15588/2022.

право принудительного выкупа акций у миноритарных акционеров в порядке ст. 84.8 Закона об акционерных обществах. Спор, по сути, касался стоимости выкупаемых акций. Миноритарии с ценой выкупа не согласились, в связи с чем ими был предъявлен групповой иск о взыскании убытков.

Это дело являет собой один из примеров, когда группа успешно прошла процедуру сертификации, и требования иска были рассмотрены судами трех инстанций по существу, и причем положительно для истцов. В действительности в деле было поднято множество интересных вопросов, в том числе: о конкуренции оснований исключительной подсудности для корпоративных споров и для групповых исков, об уплате госпошлины за требования присоединяющихся к иску членов группы, о допущении участия в деле по групповому иску соистца — члена той же группы лиц, об исчислении исковой давности применительно к каждому члену группы.

По жалобе ответчика дело передано на пересмотр в ВС. Как видно из определения суда от 15.09.2025 о передаче жалобы для рассмотрения, акцент сделан на двух крупных вопросах группового производства.

В деле «ЕвроСибЭнерго» ответчик оспаривал принципиальное рассмотрение дела по правилам гл. 28.2 АПК о групповом иске — с его позиции, дело следовало рассмотреть по общим правилам искового производства, исходя из заявленных требований и фактов дела.

Рискну утверждать, что приводимые ответчиком доводы в поддержку такой позиции (они изложены в определении о передаче дела в ВС на странице 9¹) неубедительны. При этом заметна явная направленность аргументации к теории «единого правоотношения», которая применялась для группового производства в России до реформы 2019 г.

Очевидно, миноритарии — члены группы — были владельцами акций, при этом участниками единого правоотношения не являлись, поскольку каждый из них, приобретя ценные бумаги у эмитента, стал участником самостоятельного правоотношения со своим количеством акций, объемом прав и обязанностей. Все это как раз подчеркивают однородный характер правоотношений, что в преломлении конкретных схожих фактов дела и в совокупности с другими условиями показывает наличие условий для группового иска. При этом ответчика как будто не смущает однородный, однотипный характер отношений

¹ Определение ВС от 15.09.2025 по делу № 302-ЭС25-4810: https://guard.arbitr.ru/Document/Pdf/8fe7d63d-f175-48d6-9de7-8f9bb652e020/1f36f458-1e79-4752-933b-8f3f3b6b6d45/A19-15588-2022_20250915_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True

между ним и членами группы, он подчеркивает различия в конкретных фактах: заключение договоров о приобретении акций в разное время, различный размер пакетов акций, разный размер требований истцов об убытках. Но мне представляется, что эти факты в данном случае едва ли могут свидетельствовать о существенных отличиях для вывода о неприменении конструкции группового иска.

По итогам рассмотрения жалобы ВС не поддержал этот довод ответчика, а, напротив, подчеркнул правомерность применения для иска миноритариев об убытках норм о групповом иске. Эта позиция ВС должна стать мощным толчком для развития практики по групповым искам.

Второй довод жалобы ответчика касался вопроса исчисления исковой давности к исковым требованиям в групповом производстве. С позиции ответчика, судами не установлено, когда было произведено списание ценных бумаг с лицевых счетов миноритариев, когда им поступили денежные средства в счет оплаты списанных акций, когда и кем были уведомлены бывшие акционеры о списании с лицевых счетов ценных бумаг, были ли они вообще уведомлены о списании ценных бумаг. Вопросы, по сути, правильные, но они фактологические, а поэтому в норме должны обсуждаться в судах нижестоящих инстанций, а не в ВС.

Установление этих обстоятельств имеет значение для применения исковой давности для требований миноритариев, поскольку специальная норма п. 4 ст. 84.8 Закона об акционерных обществах имеет сокращенную исковую давность — шестимесячный срок. Также эта норма имеет определенный порядок исчисления давности — с момента когда владелец ценных бумаг узнал о списании с его лицевого счета (счета депо) выкупаемых ценных бумаг. Этот вопрос, строго говоря, относится к сфере корпоративного права, а не группового производства. Насколько шестимесячный срок является адекватным, и оправдано ли его исчисление именно с указанного момента?

В отношении момента, с которого начинается исчисление этого срока, как будто существует напряжение — само по себе списание акций, даже в ситуации явного знания миноритарием об этом, не означает нарушение его прав в ситуации занижения цены выкупаемых ценных бумаг, ведь он должен еще узнать, что выкупная цена определена неверно (умышленно или нет). При осуществлении процедуры выкупа готовится отчет оценщика, на основании которого мажоритарный акционер определяет стоимость выкупаемых акций. Чтобы узнать о нарушении своих прав, миноритарий должен не интуитивно,

а на основе какого-то подтверждения (другого отчета об оценке или установленного каким-либо юрисдикционным органом факта неверности предложенной мажоритарием цены и т.п.) узнать о порочности отчета об оценке и ошибочном определении стоимости выкупаемых акций. Едва ли можно сказать, что миноритарий после того, как его акции списали с лицевого счета, должен делать свой отчет, чтобы узнать, не нарушены ли его права, и особенно для случаев владения незначительными пакетами акций — когда стоимость оценки будет превышать даже самый позитивный для миноритария вариант стоимости его бумаг. Поэтому в этом вопросе отступление от общего правила исчисления исковой давности — когда субъект узнал (должен был узнать) о нарушении своего права — через фикцию знания момента списания бумаг со счета выглядит несовершенным.

Но есть здесь и другая грань — специальный вопрос применения исковой давности для требований истцов в групповом производстве. Эта тема у нас еще в достаточной мере не разработана, рассматривала ее с приведением разных вариантов пока только М.А. Ерохова¹.

По моему убеждению, в ситуации с групповым иском, когда члены группы защищают общее для них право (законный интерес), давность нужно по умолчанию исчислять по истцу-представителю, т.е. исходя из даты предъявления им иска.

Относительно этого вопроса есть место для обсуждения вопроса исчисления давности не по истцу-представителю, а по тому члену группы, у которого давность субъективно не пропущена. Такой подход может объясняться следующим — защищается единое нарушенное для истцов (членов группы) право (к примеру, оспаривается одна сделка — условно собственники помещений в многоквартирном доме оспаривают заключенный управляющей компанией договор в отношении общего имущества, аналогично — в случае предъявления участниками корпорации косвенного иска). Поэтому если хотя бы у одного члена группы давность не пропущена, то рассмотрение иска можно было бы допускать. В этом случае можно обсуждать, нужно ли производить замену истца-представителя, если именно у него давность субъективно пропущена, на того члена группы, у которого давность субъективно не пропущена. Однако данный вопрос относится скорее к деталям процесса.

¹ См.: *Ерохова М.А.* Групповые и коллективные иски в корпоративных спорах: подход российской юрисдикции // Групповые иски: сложности и перспективы [коллективная монография] / под ред. В.Г. Домшенко. М.: Статут, 2025, С. 224—229.

В ситуации с групповым иском, когда члены группы защищают свои самостоятельные права и имеют отдельные требования, но являющиеся однородными, исковую давность следует исчислять в отношении каждого члена группы индивидуально. Суть здесь в том, что исковая давность применяется к требованиям в защиту права каждого отдельного лица (истца), который имеет свое собственное, пускай и схожее с другими истцами, правоотношение с ответчиком и, соответственно, требование к последнему. Такие однородные правоотношения могли возникать в разные периоды времени (например, договоры купли-продажи товара заключались в разные даты), что само по себе не указывает на их неоднородность, но создает основания для различного начала исчисления исковой давности (объективной и субъективной) по защите права лица — участника такого правоотношения.

Конечно, могут быть ситуации, когда для разных членов группы момент для исчисления давности совпадет, но могут быть и разные моменты отсчета, а поэтому у кого-то из членов группы давность может быть не пропущена, а у кого-то — пропущена, что при соответствующем заявлении ответчика должно влечь отказ в требованиях конкретных членов группы.

В деле «ЕвроСибЭнерго» групповой иск основан на однородных правах миноритариев, имеющих собственные требования к ответчику. Последний ставил вопрос об истечении исковой давности у отдельных членов группы. Нижестоящие суды исчислили давность для всего иска только по истцу-представителю, который срок не пропустил. С моей точки зрения, этот подход судов ошибочный. Несмотря на то, что истец-представитель несет все права и обязанности истца по делу в групповом производстве (процессуально-правовая составляющая), вопрос задавнивания конкретных требований по самостоятельным правоотношениям членов группы с ответчиком должен рассматриваться персонально по каждому (материально-правовая составляющая — институт исковой давности в России относится к материальному праву).

Именно к такому выводу пришел и ВС по результатам разрешения жалобы ответчика в этом деле — давность для подобных групповых исков (с однородными самостоятельными требованиями) нужно исчислять по каждому члену группы в отдельности.

При этом очевидно, что исчислять давность по требованию каждого члена группы в ряде ситуаций может стать крайне трудоемкой задачей, а когда группа действительно крупная (тысячи участников) — она практически неразрешима. В этом смысле выглядит вполне уместным нова-

торское предложение М.А. Ероховой о введении некой объективной исковой давности именно для группового производства¹.

Эта проблема и сложность ее решения — хороший повод для того, чтобы вернуться к обсуждению внедрения в России модели *opt-out*: в этом случае вопрос исковой давности для однородных требований членов группы себя практически исчерпает.

Значимые вопросы группового производства в практике судов

Известно, что именно практика дает преломление законодательных решений: выявляет упущения, показывает несовершенство правовых норм, дает эмпирическую основу для новых реформ или точечных корректировок законов, возможность истолкования существующих норм применительно к возникающим казусам. За последние год-полтора в судебной практике возникало множество новых значимых вопросов группового производства, которые требовали правоприменительных решений. Дополнительно к уже обсужденным по делам, попавшим на рассмотрение ВС, выделю еще пять наиболее заметных, с моей точки зрения, вопросов.

1. *Закрытое разбирательство по групповым искам*

Может ли разбирательство по групповому иску быть закрытым? Как сочетаются между собой требования о защите государственной и иной тайны с широким привлечением внимания общества к групповому иску и особыми процессуальными эффектами такого производства? Эти вопросы уже встали перед судами в ряде дел и получили свою оценку.

Гласность — один из принципов судебного разбирательства. Его ограничение допускается в установленных случаях: когда открытое разбирательство дела может привести к разглашению государственной тайны и в иных случаях, предусмотренных федеральным законом, а также по ходатайству участвующего в деле лица для сохранения коммерческой, служебной или иной охраняемой законом тайны. В этих случаях разбирательство проводится в закрытом порядке. Это означает, в частности:

- невозможность публики присутствовать на заседании (кроме участников процесса и их представителей);
- запрет фиксации техническими средствами (аудио и видео) проведения разбирательства;

¹ См.: Ерохова М.А. Указ. соч. С. 226.

- запрет проведения судебного заседания посредством видео-конференц-связи и веб-конференции;
- запрет на открытую публикацию судебных, в том числе промежуточных, актов по делу.

Как известно, для института группового иска принято выделять несколько ключевых целей: обеспечение эффективной защиты нарушенных прав сразу множества лиц (прежде всего с мелкими требованиями), обеспечение процессуальной экономии, предотвращение новых правонарушений. Эти цели обуславливают создание специального порядка подачи и рассмотрения групповых исков, действия судебного решения по таким делам.

Проще говоря, для рассмотрения группового иска должен иметься особый инструментарий, набор правил и правовых эффектов. Яркие примеры этого:

- существенное ограничение процессуальных прав членов группы – все права истца есть только у представителя группы;
- обязанность открытого информирования (через СМИ или на сайте суда) всех потенциальных членов группы о групповом иске с указанием основной информации о деле;
- специфическое действие судебного решения по делу в отношении лиц, которые в разбирательстве не участвовали.

У меня не вызывает сомнений, что сами по себе основания для закрытия разбирательства могут существовать не только в индивидуальных спорах, но и в групповых. Едва ли это утверждение вообще может вызвать возражения. В групповых разбирательствах, как и в сходных по характеру индивидуальных спорах, может иметься риск раскрытия охраняемой законом тайны.

За последние полтора года уже несколько заметных групповых исков были рассмотрены судами в закрытом разбирательстве. Прежде всего это:

- дело «Русполимет»¹ по групповому иску миноритарных акционеров к обществу «Мотор-Инвест» о взыскании убытков в связи с реализацией мажоритарным акционером права принудительного выкупа акций общества (по сути, спор о стоимости принудительно выкупаемых акций);
- дело «Euroclear»² по групповому иску российских инвесторов к бельгийскому депозитарию о взыскании убытков в размере невы-

¹ Дело № А43-8162/2021.

² Дело № А40-170455/2023.

плаченных доходов по ценным бумагам и процентов за пользование чужими деньгами. Иск удовлетворен частично.

Итак, возможно ли добиться необходимых эффектов группового иска при рассмотрении его в закрытом заседании? Обращусь к конкретным вопросам.

Информирование членов группы о деле

Закон определяет, что после принятия иска к производству — на стадии подготовки дела к судебному разбирательству — истец-представитель должен в установленный судом срок в публичной форме предложить другим членам этой группы присоединиться к групповому иску. Также в ч. 5 ст. 225.14 АПК указано, какие сведения должно такое сообщение (предложение о присоединении) содержать: наименование ответчика и истца-представителя, суда, который рассматривает дело, требований группы лиц и иную информацию, определяемую судом.

Как быть с этой обязанностью, если дело переведено в закрытый режим? С моей точки зрения, информирование всех потенциальных членов группы об иске должно происходить независимо от ограничения гласности. Иначе будет практически невозможно вовлечь в разбирательство максимальное число потерпевших, а следовательно, эффективно достичь целей института группового иска.

Другое дело, что такое публичное сообщение должно соответствовать требованиям о неразглашении соответствующей тайны, ставшей причиной закрытия процесса. Возможно ли это? Думаю, вполне. Сообщение, как видно из закона, должно содержать довольно общие сведения о деле: стороны, суд, требования. Поэтому едва ли можно здесь говорить о нарушении такой публикацией режима закрытости разбирательства, если только не считать, к примеру, наименование ответчика табуированной информацией.

Попутно замечу, что нынешнее правило о моменте опубликования сообщения о групповом иске сформулировано в законе неверно в том смысле, что такая обязательная публикация должна происходить не до сертификации судом группы (что происходит сейчас на предварительном заседании), а только после, поскольку именно по итогам проведения этой процедуры судом будут подтверждены критерии группы, которые должны быть зафиксированы применительно к конкретному делу в судебном акте.

В этом случае критерии группы, определенные по итогам сертификации, должны раскрываться для широкой общественности. Практически наверняка из опубликования только этих сведений раскрытия охраняемой тайны вряд ли может произойти. Такое опубличивание

нужно главным образом для того, чтобы неопределенный круг лиц мог соотнести себя с группой и понять, может ли отдельно взятое лицо вступить именно в это дело. К примеру, в деле рассматриваются требования о некачественности товаров из одной партии, и я также приобрел единицу товара из той же партии — указание на конкретную партию товара, период ее выпуска в этом случае будет включаться в критерии группы.

Иной вариант выглядит абсурдно: нельзя же идти в суд вслепую в духе «сначала я подам свое заявление о присоединении, а уже там посмотрим, относится ли оно даже по формальным признакам к этому иску или нет». Важно все это для неприсоединившихся членов группы и в тех случаях, когда будут вставать вопросы о приостановлении их индивидуальных дел до группового и о действии на них решения по групповому иску.

Действие судебного решения по групповому иску

Российская модель группового иска исходит из активного (по заявлению) вовлечения лиц в судебное разбирательство, но имеет свои особенности в части действия решения по такому делу. В отличие от порядков, использующих модель *opt-in*, где действие решения распространяется на всех присоединившихся к иску членов группы вне зависимости от результата разбирательства (в РФ в этой части — аналогично), в России решение по делу имеет дополнительный важный эффект — оно особым образом действует и на неприсоединившихся членов группы.

Имеется в виду освобождение от доказывания такими членами группы в своих индивидуальных делах общих для всей группы обстоятельств, установленных решением суда по групповому иску. К примеру, в деле с групповым иском судом было установлено обстоятельство некачественности всей партии товара, выпущенной ответчиком. Соответственно, в деле по личному иску неприсоединившийся член той же группы названное обстоятельство доказывать уже не должен, а ответчик не может это установленное судом обстоятельство опровергать. А вот индивидуальные вопросы такого отдельного спора могут и будут доказываться сторонами по общим правилам.

Описанный эффект состоит в получении всеми членами группы выгод от положительного для группы решения по групповому иску. Отрицательные последствия неприсоединившиеся члены группы могут нивелировать через отказ (оспаривание) установленных в групповом производстве обстоятельств.

И здесь мы подошли к проблеме: как неприсоединившийся член группы может получить выгоду от решения по групповому иску, который был рассмотрен в закрытом разбирательстве, если такое решение

не публикуется? От доказывания каких обстоятельств он может быть освобожден? Чтобы это понять и оценить, нужно как минимум иметь возможность такое решение изучить.

Но закрытие процесса означает, что только участники разбирательства вправе знакомиться с судебными актами по делу. Неприсоединившиеся же члены группы таким статусом, разумеется, обладать не могут. Более того, и специальное правило ч. 3 ст. 225.17 АПК о возложении на ответчика обязанности довести до всех членов группы информацию о принятом по групповому иску решении также становится бесполезным: ведь смысл этой нормы не столько в том, чтобы ответчик просто сообщил, что какое-то решение по делу состоялось, сколько в том, чтобы раскрыть его содержание для всех членов группы.

Отсюда коллизия норм, которая без корректного решения может нивелировать замысел законодателя в особом действии решения по групповому иску.

Эту проблему нельзя оставлять без решения. Если не входить в крайности — запрет на закрытие группового разбирательства или игнорирование правил об ограничении гласности, следует предусмотреть право неприсоединившихся членов группы (т.е. не участников процесса по групповому иску) знакомиться с финальным судебным актом по групповому иску. Обеспечивать режим ограничения гласности нужно путем предупреждения таких неприсоединившихся лиц об ответственности за разглашение сведений, составляющих охраняемую законом тайну, как это предусмотрено для участников закрытого разбирательства, а также лиц, содействующих правосудию в таких делах (п. 24.1 Постановления Пленума ВАС от 08.10.2012 № 61 «Об обеспечении гласности в арбитражном процессе»).

Есть еще вопрос проверки принадлежности к группе конкретно лица, считающего себя членом той же группы лиц. Какой суд эту проверку должен проводить: в деле с групповым или индивидуальным иском? Видится, что суд в индивидуальном деле может провести проверку на предмет принадлежности конкретного лица к группе, только если суд в деле по групповому иску по итогам сертификации четко сформулирует критерии группы и сделает их общедоступными через механизм публичного информирования, о чем я сказал ранее.

Альтернатива: частичное закрытие разбирательства

Решением обозначенной проблемы может быть применение правил о закрытии процесса только в части, к примеру, применительно лишь к отдельным доказательствам, содержащим охраняемую законом информацию.

Частичное закрытие разбирательства законом принципиально допускается, но вот конкретных правил на этот счет почти нет, а на практике суды, по ощущениям, склонны либо закрывать процесс целиком, либо не закрывать его вовсе.

Закрывать процесс только в части: с ограничением принципа гласности суд может проводить отдельные заседания, в которых будут исследоваться доказательства (письменные, свидетельские показания, пояснения сторон в соответствующей части), содержащие охраняемую законом тайну, а другие заседания проводить открыто. Судебные акты, соответственно, можно было бы публиковать, сокрыв охраняемую информацию в части акта. Мне видится этот вариант возможным для применения.

Подводя итог, можно сказать, что закрытый режим разбирательства по групповому иску объективно может быть оправдан и обоснован, но для группового производства в этом случае требуются особые правила, так как этот специальный вид производства имеет множество отличных от обычного дела правил и правовых эффектов.

2. Соглашение о расходах внутри группы

Ведение группового иска требует объединения лиц, чьи права нарушил ответчик. Вполне естественно, что такая агрегация влечет издержки. Используемая в конкретной стране модель вовлечения лиц в разбирательство и доступные инструменты по сбору их заявлений и доказательства принадлежности к группе влияют на объем этих издержек. Другая составляющая издержек — необходимость уплаты госпошлины за подачу группового иска, если только иск подается не в интересах истцов-потребителей, которые освобождены от ее уплаты.

Наконец, требуется нести расходы на юристов. Конечно, самостоятельное ведение потерпевшими группового иска принципиально возможно, но нередко это приводит, откровенно сказать, к плачевным итогам. Во всем мире считается, что дела по групповым искам относятся к наиболее сложной категории безотносительно к материально-правовой составляющей спора. Соответственно, квалифицированная юридическая помощь в таких делах необходима. При этом, как справедливо замечают известные правоведы С. Иссахарофф и Д. Миллер, «нет обществ, где юристы работают бесплатно»¹.

¹ *Issacharoff S., Miller G.P. Will Aggregate Litigation Come to Europe? // Vanderbilt Law Review. 2009. Vol. 62. Iss. 1. Art. 4. P. 54.*